

Научная статья

УДК 94:342(571.5)

doi: 10.17223/19988613/94/3

Межведомственные конфликты внутри управленческого аппарата Российской империи последней трети XVIII в. (на примере сюжета из г. Удинска Иркутской губернии)

Роман Артурович Евтехов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, lib-lab-scan@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен сюжет конфликта в среде Сибирской городской бюрократии XVIII в. через призму ее политической роли. Изучен показательный конфликт внутри региональной бюрократии в лице двух учреждений провинциального города по поводу разделения полицейского ведомства. Гипотеза автора заключается в наличии у среднего бюрократического звена русского общества самостоятельных интересов и возможностей политического влияния. Усложнялось явление тем, что ситуацией конфликта ведущих сил города пользовались многочисленные просители, которые, не получив удовлетворения своих интересов у одной стороны, устремлялись за защитой к другой и тем самым вносили еще большую смуту в сложные отношения.

Ключевые слова: управленческий стиль, бюрократия, управление Восточной Сибирью, комендант, губернатор, воевода, конфликты

Для цитирования: Евтехов Р.А. Межведомственные конфликты внутри управленческого аппарата Российской империи последней трети XVIII в. (на примере сюжета из г. Удинска Иркутской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 20–25. doi: 10.17223/19988613/94/3

Original article

Interdepartmental conflicts within the administrative apparatus of the Russian Empire in the last third of the 18th century (on the example of the Irkutsk province)

Roman A. Evtekhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, lib-lab-scan@mail.ru

Abstract. The article examines the plot of the conflict among the Siberian urban bureaucracy of the 18th century through the prism of its political role. Attention is paid to the interaction and relations within the administrative structure of the subjects of the empire. The author has studied the illustrative conflict within the regional bureaucracy in the face of the two strongest institutions of the provincial city over the division of the police department. The materials that served as the main article are archival, previously unpublished documents related to one of the poorly studied topics - the history of the police in the regions of Siberia in the 18th century. The author's hypothesis is that the middle bureaucratic echelon of Russian society has independent interests as well as opportunities for political influence. The author dwells on the characteristics of the capabilities of representatives of the Russian bureaucracy to delay the consideration of the case even with the direct order of the leadership, in order to retain and strengthen their own positions in the management level. From this point of view, the bureaucracy had only one of the tools of resistance available to it - bureaucracy, deliberate delay and compliance with a full set of formalities. This phenomenon was complicated by the fact that the situation of the conflict of the leading forces of the city was used by numerous petitioners who, not receiving satisfaction of their interests from one side, rushed for protection to the other, thereby introducing more confusion into the delimitation of the already complex relations. The paper proves the thesis that the bureaucracy of the eighteenth century is not only an independent political force, but also a kind of political style in exercising power and protecting one's political ambitions.

Keywords: management style, bureaucracy, management of Eastern Siberia, commandant, governor, voivode; conflicts

For citation: Evtekhov, R.A. (2025) Interdepartmental conflicts within the administrative apparatus of the Russian Empire in the last third of the 18th century (on the example of the Irkutsk province). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 20–25. doi: 10.17223/19988613/94/3

Введение

Становление регулярного государства, относимое к периоду Великих Петровских реформ, породило устойчивую группу политических акторов, называемых бюрократией. Являясь одной из ведущих сил политического режима, бюрократия – логичная часть государственного аппарата, который не может существовать без нее. Достаточно быстро она разрастается от исполнения конкретных поставленных властью задач к попыткам, вполне удачным, влияния на сам режим и принятие политических решений. Бюрократия, как и другие политические участники, не защищена от деления внутри себя на мелкие группы интересантов. Отделяемые друг от друга разнящимися интересами группы или отдельные представители в борьбе друг с другом использовали и используют совершенно разные инструменты. Одним из достаточно эффективных инструментов является бюрократизм, под которым мы понимаем пренебрежение к сущности дела ради соблюдения формальностей и умышленное затягивание разбираемого дела.

Спецификой сибирской модели управления была значительная самостоятельность управленческого аппарата, определяемая значительной удаленностью от центра и труднодоступностью. Применительно к Забайкальским территориям усложняли управление и значительная протяженность границ, не вполне мирных, кадровая проблема и наличие каторги. Интеграция восточносибирских территорий в единую систему управления в XVII–XVIII вв. осуществлялась главным образом посредством управленческой администрации. По сути, эта администрация была, с некоторыми оговорками, колониальной. В Сибири XVIII в. фактически отсутствовали дворянские корпорации, в связи с чем полицейские, наблюдательные, судебные и другие функции возлагались целиком на бюрократический аппарат. Сибирский бюрократический аппарат XVIII в. был крайне разношерстным и включал представителей разных сословий (военные – преимущественно; выходцы из казаков, мещан, купечества, священнослужителей и т.д.).

Постановка проблемы

Для Сибири характерен малочисленный состав бюрократов среднего звена (воеводы, коменданты, городничие, исправники, комиссары и т.д.), что порождало ситуацию, при которой такой чиновник становился в своей области почти безграничным властителем. Причиной такого самостоятельного размежевания полномочий чиновниками была сама система власти – последствия противоречивых административных преобразований Петра I, пространно трактуемые законодательные акты и коллизии в них. Малейшая попытка ограничить монополию сразу приводила к личностным конфликтам, подогреваемым обществом [1. С. 12]. Имея различные поводы, но совершенно явный общий подтекст – попытки ограничения интересов и полномочий одного чиновника другим, конфликты в среде бюрократии почти не решались без вмешательства высшего начальства.

В данной работе мы хотели бы подробно остановиться на конкретном примечательном сюжете конфликта на фоне дела о передаче Удинской полиции от ведения коменданта в ведение провинциальной канцелярии (Удинская провинция Иркутской губернии). Забайкалье как составная часть Иркутской губернии значительно отличалось от многих других: кроме трансграничного и труднодоступного положения (регион был недоступен почти половину года: весной и осенью), в регионе с середины XIX в. военные и управленческие функции сочетались в руках военного губернатора, существовали градоначальство, самая большая в стране ссылка и каторга.

Система управления Забайкальем в XVIII в. – это крайне сложная, запутанная система – результат синтеза многочисленных и несистематичных административных нововведений времен Петра I и колониальной политики царского правительства. Изучение только лишь законодательных актов не даст полного представления об этой системе, так как при устройстве управления смотрели «по местным условиям». Нередко одна и та же должность в документах называется по-разному, одному чиновнику вверяются чрезвычайные полномочия, которые в прочих условиях он бы никогда не выполнял, при создании нового продолжало существовать прежнее учреждение и т.д. В этой связи архивные материалы являются единственным достоверным источником, характеризующим данный период.

Материалы и методы

Материалами настоящего исследования послужили законодательные акты и делопроизводственные документы. Основная масса законодательных источников, необходимых для выявления структуры, статуса и функционала должностей коменданта и провинциального воеводы в исторической динамике, содержится в трех собраниях Полного собрания законов Российской империи (1649–1913), где отражен спектр законодательных вопросов регулирования жизни в самодержавной России. Первоочередное значение имели «Устав благочиния» (1782), «Полицейская инструкция Тобольскому полицмейстеру» (1733). Более детальные сведения были выявлены из ведомственных (мнения Государственного Совета, указы Сената) и местных (указы, постановления губернской администрации, органов городского самоуправления, инструкции, указы) нормативно-правовых актов. Наиболее ценным среди этих документов является «Полицейская инструкция Тобольскому полицмейстеру», относящаяся ко второй четверти XVIII в.

Основу источниковой базы исследования составляют архивные документы. Документы региональных архивов Сибири периода XVIII в. хоть и небогаты по численности документов, однако нередко содержат ценнейшие фактические материалы, ранее не изученными совершенно. Достаточно интересным представляется разнородный по составу фонд № 88 Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Среди материалов фонда нами обнаружено уникальное дело об учреждении в заштатном городе Удинске полиции

(«Дело по постановлению Удинской провинциальной канцелярии о содержании Удинской полиции в ведении комендантской и провинции, а потому об отдаче под ведение пожарных инструментов и об отводе квартир, о наряде обывателей в штатный караул и о содержании и илиминации с приложением с указов копий от 28 октября 1775 г. по 6 декабря 1782 г. на 338 листах») [2. Л. 1–339]. Кроме прочего, уникальность данного дела не столько в самом факте открытия полиции в уездном городе конца XVIII в., что почти не описывалось ранее в научной литературе, сколько в детально зафиксированном конфликте между провинциальной и городской властями по поводу подчинения полиции. Нами изучены следующие виды документов: промемории, рапорты, штатное расписание, указы, постановления, предложения, прошения и т.д.

В работе использован микроисторический метод, с помощью которого осуществляется многостороннее рассмотрение сути и хода конфликта. С помощью этого метода выявлены особенности внутрибюрократического взаимодействия глав субъектов региона, реакция и использование ситуации местным населением для своей выгоды и т.д.

Причины конфликта

Особое территориальное расположение Забайкалья всегда доставляло особые сложности для мобильного управления регионом. Еще в 1768 г. иркутский губернатор А.И. Бриль (в должности: 1767–1776 гг.) предложил объединить все Забайкалье с центром в г. Удинске [3. Л. 5–10] (впоследствии Верхнеудинск, сегодня Улан-Удэ). Тем более что в течение длительного времени года Забайкалье было полностью блокировано для коммуникации, что совершенно недопустимо для трансграничного региона и места ссылки и каторги, которым регион являлся. Реформаторский настрой екатерининского правительства позволил воплотить в жизнь эту идею, правда, со значительной задержкой. Только в 1775 г. была образована Удинская провинция с центром в Удинске. 31 января того же года императрица подписала указ «О новом разделении Иркутской губернии...» До учреждения провинции в Забайкалье существовали два уезда, которые управлялись воеводами, Удинск являлся пригородом и входил в состав Селенгинского уезда, который, как и Нерчинский, одновременно был дистриктом. Из этой схемы выбивается только Баргузин, не имевший уезда и возглавлявшийся управителем (приказчиком). С этого времени в Удинске организована провинциальная канцелярия во главе с воеводой.

Сосредоточив в своих руках всю полноту гражданской власти, основываясь на «Наказе губернаторам, воеводам...» 1728 г., воевода И.В. Тевяшев по рассуждению своего товарища фактически сразу же потребовал от Удинского коменданта секунд-майора И.А. Апфельгрена передачи полицейского и пожароохранного ведомства в его ведение как главного гражданского правителя области [2. Л. 1–1 об.]. Комендант указал о «неподвластности коменданта воеводе» и на необходимость указаний на подобную передачу свыше.

В последующих промемориях комендант отвечал отказом уже более аргументированно: в частности, он, «почитая и наводя справки», писал, что комендант в городе положен на основании воинского штата, а провинциальная канцелярия, не имея указаний свыше, самостоятельно определила свои обязанности по управлению полицией, что невозможно без повеления высшего начальства, при том что комендант подчиняется воинской части, а воевода – гражданской.

Естественно, ни одна из сторон отступать так просто не была готова. Были подняты все имеющиеся по этому поводу документы и регламенты, в том числе уже архивные. Провинциальная канцелярия, приводя цитаты и выдержки из документов, настаивала на том, что плац-майор, который должен быть в ведении полиции, в Удинске не положен по штату, потому и полицию необходимо отнести к ведению гражданского, а не военного. Хотя ордером губернатора А.И. Бриля еще при предыдущем коменданте крепости И.С. Мертвещеве было велено, что полиция должно находиться под ведением комендантов. По ордеру того же Бриля от 28 октября 1775 г. полагалось для лучшего порядка создать описи воеводской канцелярии в уезде, а комендантской в городе об изменениях собственности на частные дома, соответственно, также просить разрешения у тех ведомств для постройки [2. Л. 17–18], чем, как счел комендант, разграничены сферы управления.

Нарастание противоречий

Воевода не остановился на требовании в свое прямое подчинение полиции центрального Удинска, те же требования он выдвинул комендантам крупнейших Забайкальских крепостей: Селенгинска и Нерчинска. По его замыслу, коменданты должны были передать полицейские правления в ведение местных агентов воеводы – комиссаров. Коменданты категорично отказали, мотивируя отсутствием специальных указов высшего начальства [2. Л. 114–115], сообщив, что по всей Российской империи, где есть в городах коменданты, полиция находится в их ведении. Кроме того, они сослались на прежние постановления губернаторов содержать полицию в ведении комендантов. Даже сами комиссары, прямые подчиненные воеводы, запросили предоставить более точные указания для перевода полиции [2. Л. 35]. Напряженность между ведомствами нарастала, и Нерчинское комиссарство опубликовало указ, что поскольку в городе не учреждена полиция, то никаким ее распоряжениям не подчиняться, что входило в прямое противоречие с существующим положением дел.

Такая, достаточно опасная, борьба ведомств развернулась не где-нибудь, а на самом приграничье с одним из самых опасных соседей России – Китаем, и могла быть прекращена только одним человеком – губернатором. Губернатор в это время для региона был «и царь, и бог», удерживая в своих руках всю полноту власти и подчиняясь напрямую императрице. Губернатор относительно полиций Нерчинска и Селенгинска предложил оставить все на старых учреждениях в военном ведении, правда, все же приказал

передать в ведение комиссарств содержание пожарных инструментов. Губернская канцелярия не была столь же однозначной в вопросе передачи Удинской полиции. Четкого ответа канцелярия губернатора не давала, ограничиваясь посылкой копий указов 1762 г. о должности полицмейстеров. Очевидно, что и в самой губернской канцелярии не было понимания, как стоит поступать в данном случае. В нормативных актах вариантов организации и подчинения полиции было много, вопрос состоял в механизме и целесообразности передачи.

Для воеводы полиция была необходима как один из основных инструментов поддержания послушания среди населения, которым он руководил. Для коменданта, очевидно, полиция была инструментом сохранения власти в городе. В этом смысле комендант затягивал передачу, как мог. В своих многочисленных промемориях он указывал на в целом логичное утверждение об отсутствии предписания в документах, которыми апеллировали воевода и его окружение, о передаче «городового смотрения» комендантом в руки воевод [2. Л. 36]. Действительно, несмотря на существовавшие примеры подобной передачи, форма и порядок передачи ведомства не были каким-либо образом регламентированы.

Первоначально конфликт развивался в виде обмена промемориями для того, чтобы заставить коменданта передать полицию и ее дела, и пожарные инструменты. Затем конфликт вышел на реальную почву. Началось все с того, что прокурор провинциальной канцелярии Мельгунов посчитал отведенную ему квартиру на постой неудобной. Провинциальная канцелярия указала выбрать ему другую среди обывательских домов. Тот избрал квартиру некоего купца Жижина, но купец не допустил прокурора к осмотру своей квартиры. Для разбора дела в канцелярию вызвали земского старосту, который был направлен за купцом, чтобы привести его в канцелярию для ответа. Но, как оказалось, купец «был ослушным» и отправился за покровительством в дом коменданта. Когда он все же был приведен в канцелярию, то объявил, что без дозволения полиции, которая состоит под ведением коменданта, не мог допустить прокурора к осмотру квартиры. Воевода решил доказать, что главный начальник в городе он, и распорядился выписать билет на вселение в указанную квартиру для прокурора. Последний направил своих людей для переезда дров на новую квартиру, хозяин квартиры – купец – бежал к коменданту с мольбой о «защитении». Комендант прислал вооруженных солдат с розгами, чтобы высесть людей прокурора. Прокурор бросился за защитой к воеводе, которому пришлось отправить своего товарища с приказом к коменданту. Комендант заявил воеводскому товарищу, что как «градодержатель и защитник гражданства» [2. Л. 69] в свете произошедшей ссоры между купцом и прокурором он не допустит занятия прокурором квартиры и что зря воевода не в свою должность вступился, так как главный градоначальник в городе – комендант.

Попытки общества и приближенных двух высших начальников в городе так или иначе использовать личную их неприязнь друг к другу, а нередко и открытый

конфликт между ними также не были редкостью. В сохранившемся эпистолярном наследии такие моменты описаны неоднократно, в том числе и о рассматриваемой ситуации [4. С. 150]. И надо сказать, что, вспоминая эти события, авторы редко были объективны к оппонентам своих господ.

Разрешение конфликта

Удинский воевода, несмотря ни на что, не хотел остаться проигравшим и через губернную канцелярию обратился к прямому руководству коменданта в обер-комендантскую канцелярию в Иркутске. Обер-комендант И.А. фон Линеман подтвердил коменданту И.А. Аппельгрёну и провинциальной канцелярии, что действительно полиция должна быть в ведении гражданских властей, кои теперь в Удинске имеются в ведении провинциального воеводы [2. Л. 42]. И здесь происходит самое фантастическое: несмотря на повеление прямого руководства обер-комендантской канцелярии, комендант сообщил, что, несмотря на указ, приступить к его исполнению он не может. Основания к этому он усматривал в различных указах, воинском уставе и ссылался на особое положение города как находящегося в приграничной зоне [2. Л. 36–37 об.]. Таким образом, без повеления главной в губернии апелляционной инстанции – губернатора, полиция передана быть не может.

Повторным указом обер-комендантской канцелярии от 23 января 1776 г. комендант должен был передать все полицейские и пожарные дела провинциальной канцелярии под угрозой законных взысканий за неисполнение [2. Л. 45]. Но комендант в промемории от 28 апреля 1776 г. все еще упорствовал. Поэтому воевода решил идти до конца и подготовил доношение от 30 апреля 1776 г. к губернатору Ф.Г. Немцову с перечислением оснований для передачи полиции в его ведение как «тутошнего первого и главного градоначальника, а не в комендантском которого при том во внутреннем гражданском распоряжении никакой должности не иметь; а должность его состоит только в одной военной страже к обороне сего места» [2. Л. 92–93 об.] и том, что, несмотря на строгое указание обер-коменданта, Аппельгрёну все еще ищет причины, чтобы не передавать полицию.

Затянувшийся спор был окончен предложением Ф.Г. Немцова от 12 июня 1776 г.: полицию города велено было передать в ведение провинциального воеводы по силе наказа 1728 г., а коменданту через обер-комендантскую канцелярию было предписано не вступать в письменные и словесные разбирательства с городскими жителями и иметь командование над гарнизоном по силе воинского устава, сохранять дисциплину только среди воинских чинов [2. Л. 101].

Заключение

Конфликт коменданта и провинциального воеводы был не только, вероятно, и не столько межведомственным, сколько межличностным. Хотя М.М. Богословский считал, что основа противоречий системы власти,

выстроенной Петром Великим, стала сама по себе причиной будущих управленческих противоречий [5. С. 46]. Ю.В. Готье в своем фундаментальном труде писал, что подобные соперничающие начальнические конфликты в городах не были редкостью [6. С. 73]. Причиной он называет нечеткость их взаимоотношений в системе управления, которая порождала личную неприязнь. Поддерживая данное утверждение, необходимо внести некоторую деталь. В условиях общественных отношений XVIII в., с особенностями общения в высшем свете с большим уважением к чинам и наградам, действительно же можно увидеть некоторое отражение отношений предыдущего XVII в. и характерные споры в боярской думе о старшинстве. В сущности, описываемый конфликт имеет очень глубокие корни. Для Аппельгрена воевода был прямым ограничителем его власти, тем более что он уже возглавлял ранее крупный центр – Селенгинск. Спор, безусловно, был о старшинстве и разграничении власти. И без того натянутые отношения коменданта и воеводы осложнялись и сами просители, которые в случае неудовлетворения решением одного сразу же обращались за «защитой» к другому, и если один из них принимал решение, противоречащее другому, это не могло не вызывать взаимного раздражения. Документы этого периода свидетельствуют, что многие обыватели и приезжие, получив обиду или неудовлетворение прошений от воеводы или даже в случаях взыскания со стороны воеводы искали заступничество у коменданта. При этом просители прекрасно чувствовали характер взаимоотношений между двумя крупными начальниками города и пытались извлечь из ситуации максимальную выгоду.

Еще более необычным кажется то, как, не желая выполнять решение, принятое стороной-соперником, комендант как опытный чиновник находил многочисленные лазейки в аргументации воеводы: неприсылка оригинальных указов, нестыковки и противоречия документов, да и очень частая присылка неконкретных указаний военной коллегии, сената и ЕИВ указов от провинциальной канцелярии работала в пользу коменданта, у него появлялось право сомневаться в законности требований воеводы. Да и само несовершенство законодательства позволило ему более чем на полтора года отсрочить передачу полиции в новое ведение. Еще больший интерес вызывает фактическое непови-

новение коменданта своему прямому руководителю – обер-коменданту, который как минимум дважды отправлял требование, второй раз уже под угрозой санкций, передать полицию воеводе. Даже это не стало для коменданта помехой, он продолжал затягивать дело, вовлекая в него все большее число должностных лиц. Требование резолюции губернатора и обход указа своего прямого начальства – обер-комендантской канцелярии кажутся удивительными, если не знать, что для отдаленных регионов Сибири губернатор был настоящим хозяином области, а решения, им принятые, могли идти даже в определенной мере вразрез законодательству в соответствии с принципом «смотря по тамошним делам».

Губернатор не пошел на поводу у воеводы и не допустил отдачу полиции в других городах (Селенгинск и Нерчинск) под ведение провинциальной канцелярии через ее агентов – комиссаров. В Удинске таковая отдача была исполнена по его (губернатора) повелению, потому как он решил, что воеводская должность в этом городе является преимущественной перед комендантской; в прочих же городах такового сделано не будет, и более этот вопрос не должен подниматься провинциальной канцелярией [2. Л. 111]. Но даже несмотря на четкое и ясное разъяснение губернатора, фактическую деятельность под ведением воеводы полиция начала только весной 1777 г., когда дела, хранившиеся при полиции, были переданы в ведение воеводской канцелярии.

Таким образом, комендант с помощью различных проволочек смог оттянуть (забюрократизировать) начало работы полиции под ведением воеводы в общей сложности почти на два года. А еще менее чем через два года полиция по предложению нового губернатора была возвращена обратно в ведение коменданта, того же секунд-майора И.А. Аппельгрена. И здесь, безусловно, нужно сказать, что без властных, в какой-то мере даже «старшинских», амбиций коменданта этот вопрос мог бы быть решен куда быстрее. В результате можно сделать вполне резонный вывод о наличии даже у не крупной бюрократии возможностей политического влияния. Тем самым бюрократизм последней трети XVIII в. уже является своеобразным инструментом достижения политических целей, пусть даже на региональном уровне.

Список источников

1. Клоков С.Н. Генезис и эволюция российской гражданской служилой бюрократии в XVIII столетии: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2006. 228 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 144.
3. ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156.
4. Калашников Т.П. Жизнь незначительного Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная, с 1762 по 1794 год // Русский архив. 1904. № 10. С. 147–183.
5. Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 9. С. 45–144.
6. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М. : Тип. Лисснера Г. и Собко Д., 1913. Т. 1. 492 с.

References

1. Klokov, S.N. (2006) *Genesis i evolyutsiya rossiiskoy grazhdanskoj sluzhiloy byurokratii v XVIII stoletii* [Genesis and evolution of the Russian civil service bureaucracy in the 18th century: a historical and legal aspect]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
2. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 88. List 1. File 144.
3. The State Archive of the Republic of Buryatia. Fund 88. List 1. File 156.

4. Kalashnikov, T.P. (1904) Zhizn' neznamenitogo Timofeya Petrovicha Kalashnikova, prostym slogom opisannaya, s 1762 po 1794 god [The life of the unknown Timofey Petrovich Kalashnikov described in a simple style from 1762 to 1794]. *Russkiy arkhiv*. 10. pp. 147–183.
5. Bogoslovskiy, M.M. (1903) Issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya pri Petre Velikom [Studies on the history of local government under Peter the Great]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 9. pp. 45–144.
6. Gauthier, Yu.V. (1913) *Istoriya Oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II* [The History of the Regional Administration in Russia from Peter I to Catherine II]. Vol. 1. Moscow: Lissner G. & Sobko D.

Сведения об авторе:

Евтехов Роман Артурович – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: lib-lab-scan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Evtikhov Roman A. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lib-lab-scan@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 08.11.2021; accepted for publication 01.04.2025